

Анна Аревшатян

Григорий Нисский и музыкально-эстетическая мысль средневековой Армении

В статье рассматривается роль идей Григория Нисского в становлении музыкальной эстетико-теоретической мысли средневековой Армении, в частности теории восьмигласия и учения о музыкальном этосе. Прослеживается влияние идей Григория Нисского в «Толкованиях на гласы» и других текстах от раннего средневековья до XVIII века.

Ключевые слова: Армения, средневековье, переводы, каппадокийцы, музыка, эстетика, теория, толкования, восьмигласие.

Музыкально-эстетическая мысль средневековой Армении, прошедшая своеобразный путь развития в V–XVIII веках, во многом формировалась под воздействием наследия мыслителей античности и раннего христианства. Литературное наследие эллинизма и отцов церкви проникло в армянскую средневековую литературу благодаря армянским неоплатоникам и стало служить уже новой идеологии и выполнять выдвинутые новосозданной церковью эстетические требования.

В числе первых переводов, осуществленных Месропом Маштоцем и Сааком Партевом и их непосредственными учениками, были труды Василия Великого (Василия Кесарийского), Григория Нисского и Григория Назианзина — трех каппадокийских отцов, роль которых в становлении богословия, философии, медицины и эстетики средневековой Армении трудно переоценить.

Исследователь литературного наследия названных мыслителей К. М. Мурадян отмечал:

Армянские переводы «трех великих каппадокийцев» представляют своеобразную картину в плане влияния на армянскую оригинальную литературу. Следы этих переводов не ограничиваются рамками одного или нескольких памятников древнеармянской

литературы или же тем или иным периодом. <...> Сравнение ясно показывает, что влияние армянских переводов упомянутых каппадокийских писателей можно заметить на примере различных больших и малых сочинений на протяжении всей нашей средневековой литературы (V–XVIII веков)¹.

В монографии «Армянские средневековые „Толкования на гласы“» я подробно исследовала два армянских текста, приписываемых Василию Кесарийскому. Эти тексты представляют собой толкования, посвященные происхождению канонических восьми гласов. Первый из них является примечательным текстом, созданным на стыке позднего эллинизма и раннего христианства, в котором прослеживаются аллюзии на главу «О происхождении животных» из «Проблем» Псевдо-Аристотеля. Не исключено, что данное толкование включает в себе фрагменты некоего греческого трактата, принадлежавшего если не Василию Великому, то другому современному ему грекоязычному автору. Во всяком случае, до сих пор ни в одном из известных науке списков трудов Василия Кесарийского не значится сочинение под заглавием «О гласах» (Περὶ ἡχῶν)².

Данное толкование, которое озаглавлено «Слово блаженного Василия о том, откуда произошли гласы», состоит из трех самостоятельных разделов, представляющих три различные версии происхождения гласов.

В первом разделе изобретение гласов связывается с голосами животных и птиц, второй повествует о деятельности мифических древнегреческих музыкантов. Согласно третьему, заключительному фрагменту, гласы берут начало от ветхозаветных пророков.

Рассматриваемое толкование сохранилось в трех версиях или редакциях. Краткая, под названием «Сколько [в природе] насчитывается звуков?», которая бытовала и как самостоятельная единица, представляется наиболее древней. Это подтверждается и отсутствием в ней имени Василия Великого, и более архаичным характером изложения. Наиболее симптоматично здесь отсутствие третьей части, в которой упоминаются ветхозаветные пророки.

¹ Мурадян К. Григорий Нисский в армянской литературе. Ереван, 1987. С. 23.

² См.: Аревшатян А. Армянские средневековые «Толкования на гласы». Ереван, «Комитас», 2003 (на арм. яз.), резюме на русск. яз. С. 142–147, глава 2-я; «От язычества к христианству. Толкование „О гласах“, приписываемое Василию Кесарийскому, и его древнейшие истоки». С. 31–44; см. также Arevchatian A. S. Deux textes arméniens sur l'Interprétation des modes musicaux attribués à Basile de Césarée // Revue des études Arméniennes. T. 28, Paris, 1996–1997. P. 335–339.

Очевидно, что краткая редакция вообще не имеет отношения к библейским представлениям. Вероятно, впоследствии заголовок и текст, обогатившись новыми подробностями, слились с другими текстами. В заголовке появилось имя Василия Кесарийского, был добавлен раздел, связанный с ветхозаветными пророками, а мифический музыкант Степанос (некоторые исследователи отождествляют его с античным Сципионом)³, который фигурирует уже и как знаток голосов дикой природы, и их классификатор, и как переводчик данного толкования, в дальнейшем был отождествлен с известным армянским богословом, драматиком, переводчиком и гимнографом VIII века Степаносом Сюнеци⁴.

Напомню начало версии толкования, о которой идет речь и которая впервые была опубликована А. Кюрдяном в 1935 году в литературно-художественном альманахе «Анаит», выходявшем в Париже:

Предисловие к Тропологии. Слово владыки Василия о том, откуда произошли или кем были изобретены гласы, которое перевел философ Степанос, ибо он был сведущ в голосах всех животных. Он подразделил эти звуки на 24 части, которые суть следующие: бляеть, мычать, ржать, хрюкать, выть, рычать, мяукать, квакать, ворковать, свистеть и т. д. И что от этих звуков были сотворены два орудия, на струнах которых по одному извлекали эти звуки⁵.

Этот текст привлек внимание арменоведов еще в XIX веке. Первым в этом ряду был отец Г. Алишан⁶. Далее к нему обращались Р. Ачарян⁷, А. Кюрдян⁸, А. Анасян⁹, отец М. Григорян¹⁰, из музыковедов — Х. С. Кушна-

³ См., например: *Григорян А.* У истоков искусства музыки. Ереван, 2010. С. 17–18. См. также: *Тагмизян Н. К.* Теория музыки в древней Армении. Ереван, 1977. С. 63–64.

⁴ См.: *Аревшатян А.* Армянские средневековые «Толкования на гласы». С. 37. См. также: *Аревшатян А.* Учение о гласах в средневековой Армении. Ереван: Гитутюн, 2013. С. 43–66 (на арм. яз.); см. также резюме на русском языке. С. 248–253.

⁵ Там же. С. 38. Цитируемые в статье тексты на древнеармянском впервые публикуются на русском языке. Перевод с древнеармянского автора статьи.

⁶ *Алишан Г.* Нерсес Шнорали и его окружение. Венеция, 1873. С. 88 (на арм. яз.).

⁷ *Ачарян Р. А.* Словарь армянских собственных имен. I–IV // Научные труды Ереванского государственного университета. Тт. XXI, XXIV, XXV, XXVI. Ереван, 1942–1948; Т. V, отд. изд., 1962 (на арм. яз.). С. 611.

⁸ *Кюрдян А.* Два фрагмента о музыке из древнеармянской литературы. Париж, 1935, 1–2. С. 30–35 (на арм. яз.).

⁹ *Анасян А.* Армянская библиология. Т. I. Ереван, 1959. С. LXV–LXXIV (на арм. яз.).

¹⁰ *О. Месроп Григорян.* Уточнения и добавления к биографии и сочинениям Степаноса Философа Сюнеци // *Handes Amsorya. Zeitschrift für armenische Philologie.* Achtzigster Jahrgang, 1966. С. 448–450 (на арм. яз.).

рев¹¹, А. К. Кочарян¹², Н. К. Тагмизян¹³. Смысл текста интерпретировался по-разному. Например, А. Кочарян заинтересовался, в частности, последним предложением приведенного фрагмента и следующим за ним вторым разделом, в которых повествуется о том, что классификация голосов или звуков животного мира послужила основой для создания первичных музыкальных инструментов¹⁴.

Н. Тагмизян перечисленные во фрагменте глаголы интерпретировал как отголоски звукоподражательного и глоссандирующего примитивного пения древнейших времен, которые неизвестно каким путем попали на страницы армянских средневековых рукописных книг и таким образом сохранились до Нового времени¹⁵. Однако присутствие этого текста в армянской литературе на протяжении столетий подсказывает, что его истоки или основу следует искать в ином месте.

В этой связи примечательно сочинение Григория Нисского «Об устройении человека», энциклопедический труд, широко известный в Средние века и использовавшийся в учебных целях. Автор, описывая строение человеческого тела, не раз прибегает к сравнениям с устройством музыкальных инструментов и вообще к музыкальным метафорам, что свидетельствует о его осведомленности в искусстве пения и технике игры на различных инструментах. Недавнее критическое издание древнеармянского перевода, подготовленное научным сотрудником Матенадарана, доктором медицинских наук, профессором Стеллой Варданян, является важным вкладом в изучение трудов Григория Нисского, оказавших большое влияние на развитие армянской научной мысли¹⁶.

Приведу фрагмент главы девятой (в русском переводе восьмой) этого сочинения, в которой говорится о значении рук:

Если бы не имело тело рук, то как бы образовался у него членораздельный голос, когда устройство гортани не было бы приспособлено к потребности произношения? Тогда, несомненно, пришлось бы человеку или блеять, или мяукать, или лаять, или ржать, или реветь, подобно быкам или ослам, или как-нибудь

¹¹ Кушнарев Х. С. Вопросы истории и теории армянской монодической музыки. Л., 1958. С. 95–100.

¹² Кочарян А. Духовые и ударные музыкальные инструменты в Армении. Ереван, 2008. С. 9–10 (на арм. яз.).

¹³ Тагмизян Н. К. Теория музыки в древней Армении. С. 63–64.

¹⁴ См.: Кочарян А. Духовые и ударные музыкальные инструменты в Армении. С. 9.

¹⁵ См.: Тагмизян Н. К. Теория музыки в древней Армении. С. 63–65, 86–87.

¹⁶ См.: Святой Григорий Нисский. Об устройении человека / Критический текст, предисловие и комментарии С. Варданян. Св. Эчмиадзин, 2010 (на древнеарм. яз.).

рычать по-звериному. Но теперь, когда телу дана рука, уста удобно служат слову¹⁷.

Очевидно, что присутствующие в процитированном отрывке глаголы «блеять, мяукать, лаять, ржать, реветь, рычать» напрямую соотносятся с вышеприведенным фрагментом «Толкования на гласы», приписываемого Василию Кесарийскому. Поскольку переводчиком ряда трудов Григория Нисского, в том числе и «Об устройении человека», является Степанос Сюнеци, можно предположить, что эти заимствования были введены в толкование музыкально-эстетического характера именно им, и он же является упоминаемым в заглавии переводчиком текста, музыкантом и философом Степаносом.

Примечательно, что даже написание этих глаголов в указанном фрагменте древнеармянского перевода, несколько отличающееся от общепринятого, без изменений перешло в текст рассматриваемого толкования на гласы. То есть сами глаголы и форма их написания в обоих древнеармянских текстах идентичны. Таким образом, нельзя считать, что в этом отражена звукоподражательная деятельность первобытного человека или примитивное пение, имитирующее голоса природы, в частности животного мира, как предполагал Н. Тагмизян. Данное толкование безусловно восходит к каппадокийским отцам, их литературному наследию и эстетическим воззрениям, независимо от того, чье имя стоит в заголовке.

Однако влияние взглядов Григория Нисского не ограничивается параллелями, присутствующими в данном фрагменте. В заключительном разделе того же толкования изложены примечательные идеи, которые восходят к теории микрокосма Григория Нисского, рассматривавшего организм человека как своеобразную саморегулирующуюся систему, в миниатюре воспроизводящую устройство мироздания и устроенную по образу и подобию Создателя.

Не менее примечательны идеи, в определенной степени связанные с античной теорией музыкального этоса, то есть осознанием и осмыслением познавательного, воспитательного и эмоционального воздействия музыки, которые нашли свое выражение в учении об имманентной эмоциональной выразительности, приписываемой древнегреческим ладам. С этим учением соотносится и осознание благотворного терапевтического воздействия музыки, которое также нашло свое выражение в трудах Григория Нисского.

¹⁷ *Святой Григорий Нисский. Об устройении человека* / Перевод, комментарии и послесловие В. М. Лурье. СПб., 2000. С. 35–36.

Например, в «Толковании к надписаниям псалмов» заслуживает внимания часть, в которой Григорий Нисский обращается к целебным свойствам музыки. Прочитую полностью эту важную часть:

Отсюда следует объяснить и те великие дела божественной музыки, которые свидетельство истории приписывает Давиду: всякий раз, когда Давид заставлял Саула в состоянии душевной омраченности, он так врачевал своими напевами его недуг, что к тому возвращался здравый рассудок. Из этого ясно, на что намекает таящаяся в мелодии загадка: она учит, как успокаивать болезненные возбуждения, возникающие в нас под действием многообразных житейских событий¹⁸.

Фактически Григорий Нисский указывает на роль терапевтического воздействия музыки (в частности, духовной, которую он называет божественной) в преодолении порожденных стрессами депрессий; и в наши дни музыка широко применяется в психотерапии. В научном наследии средневековой Армении свидетельства о применении музыкальной терапии присутствуют не только в трудах врачей, таких, как, например, трактаты «Утешение при лихорадках» Мхитара Гераци (XII век), «Ненужное для неучей» Амирдовлата Амасиаци (XV век), но и в «Толковании грамматики» выдающегося ученого-энциклопедиста, поэта и гимнографа XIII века Ованеса Ерзынкаци. Эти примеры применения музыки в терапии приводил Комитас в своей последней опубликованной статье¹⁹.

В рассматриваемом фрагменте толкования, приписываемого Василию Кесарийскому, примечательны упоминания персонажей древнегреческой мифологии: воспитателя нескольких героев, музыканта, искусного в игре на кифаре, и врача кентавра Хирона, сирен, известных своим сладкоголосым и губительным пением, а также спутников Одиссея, которым пришлось замазать уши воском, «дабы не слышать убийственно сладкоголосого пения»²⁰. Этот эпизод в данном контексте может быть интерпретирован как аллегория борьбы с языческой «дьявольской» музыкой.

В последней части текста заметно непосредственное влияние сочинений Григория Нисского «Об устройении человека» и «Толкования к надпи-

¹⁸ Музыкальная эстетика западно-европейского средневековья и Возрождения / Предисловие, составление текстов и редакция В.В. Шестакова. М., 1966. С. 109, 111. Ср.: *Migne J.-P. Patrologiae cursus completus, series Graeca*. Т. 44. Paris, 1858. P. 149, 442.

¹⁹ *Комитас. Врачевание музыкой // Архимандрит Комитас. Исследования и статьи в 2 книгах. Кн. 2 / Ереван: 2007 (на арм. яз.). С. 200–204.*

²⁰ См.: *Аревшатян А. Армянские средневековые «Толкования на гласы»*. С. 43, 146–147.

санию псалмов». Последняя часть пространной редакции рассматриваемого толкования на гласы больше всего пострадала от поздних искажений. Тем не менее, нетрудно догадаться, что здесь присутствуют отголоски горячих дискуссий времен каппадокийских отцов о позволительности применения в церкви инструментальной музыки наряду с вокальной.

Автор толкования стремится обосновать преимущество новой, исключительно вокальной духовной музыки (псалмодии, гимнодии) по сравнению со старой, вокально-инструментальной, звучавшей в языческих храмах. Для этой цели он почти буквально приводит фрагмент главы 9-й из трактата Григория Нисского «Об устройении человека», в котором ноздри, горло, небо, язык, подбородок и все остальное тело человека уподобляются музыкальным инструментам:

Итак, не пристало чертогу людей музыкальных орудий, как у древних, но да будет горло вместо рога, ноздри вместо флейты, подбородок вместо кимвал, язык вместо плектра, все тело — бубном, мысль — арфою, душа — лирою, органы чувств — псалтырю. Ибо сказано, что человек есть орудие благословения²¹.

Достоин упоминания также следующий отрывок из «Панегирика житию святого Месропа» автора XII–XIII веков Карапета Саснеци, в котором описывается деятельность Маштоца, удалившегося от мирской жизни:

Сдерживал язык и смыкал губы, не двигая и не раскрывая их для суетных речей, но постоянно занимался Священным Писанием. Уподобил рот лире и пальцы — струнам, губы — пальцам и язык — плектру. И смешав дух [свой] с Божественным Духом и будучи музыкантом, воспевал сладкозвучные духовные песни во славу Святой Троицы²².

Историческая традиция признает Месропа Маштоца, наряду с Сааком Партевом, не только создателем армянского алфавита, но и основоположником национальной гимнографии. В частности, Маштоцу приписывается авторство ряда гимнов-шараканов на покаяние, распеваемых в период Великого поста. Важно отметить, что в «Панегирике», во фрагменте, где говорится о Маштоце как о музыканте, Карапет Саснеци воспользовался вышеупомянутыми образами и метафорами из Григория Нисского.

²¹ Там же. С. 44, 103.

²² Арутюнян А. Музыка в армянской литературе V–XV веков. Ереван, 2010. С. 110.

Следует отметить, что данный фрагмент из Григория Нисского является наиболее часто цитируемым местом не только в армянских средневековых трактатах музыкально-эстетического содержания. Идеи, затрагиваемые в нем, оказали большое влияние на византийские, латинские и арабо-персидские научные сочинения той же тематики.

Непосредственное влияние Григория Нисского прослеживается вплоть до XVII–XVIII веков в «Книге о музыке, содержащей краткие вопросы и ответы на армянском, греческом и персидском языках» Григора Гапасакаляна (1740–1808)²³, видного музыканта-теоретика, жившего в Константинополе. В главе «Почему гласов восемь?» можно прочесть следующее:

В[опрос]. Почему наших гласов восемь? О[твет]. Исходных гласов наших, согласно грекам, четыре, согласно четырем стихиям. Итак, воистину четыре стихии имеют также четыре побочных гласа, согласно повторно рождающимся четырем. Итого восемь, которые согласуются с восемью канонами псалмопевца [Давида] и восемью гласными, а также с восемью голосовыми органами, которые суть легкие, трахея, основание языка, гортань, язык, зубы, уста; прибавь к ним воздух, находящийся в человеке. Ибо без них и гласных невозможно воспеть песнь музыкальную, поскольку все песни и мелодии исполняются посредством [этих органов], заключая в себе тайную науку музыки²⁴.

Влияние сочинений Григория Нисского на научные воззрения всего христианского мира вплоть до Нового времени, на мировосприятие мыслителей разных стран и на музыкальную эстетику очевидно. Свидетельством тому является плодотворное влияние эстетических воззрений святоотеческой литературы на армянскую средневековую музыкально-эстетическую мысль, которая нуждается в дальнейшем исследовании, текстологических уточнениях и адекватной интерпретации.

Литература

1. Алишан Г. Нерсес Шнорали и его окружение. Венеция: Типография о. Св. Лазаря, 1873. 535 с. (на арм. яз.).
2. Аревшатян А. Армянские средневековые «Толкования на гласы». Ереван: Комитас, 2003. 190 с. (на арм. яз.).

²³ Гапасакалян Гр. Книга о музыке, в которой содержатся краткие вопросы и ответы на армянском, греческом и персидском языках. Константинополь, 1803 (на древнеармянском яз.)

²⁴ Там же. С. 40.

3. *Аревшатян А.* Учение о гласах в средневековой Армении. Ереван: Гитутюн, 2013. 336 с.
4. *Арутюнян А.* Музыка в армянской литературе V–XV веков. Ереван: Гитутюн, 2010. 219 с.
5. *Гапасакалян Г.* Книга о музыке, в которой содержатся краткие вопросы и ответы на армянском, греческом и персидском языках. Константинополь: типография Погоса Ованнисяна, 1803 (на древнеармянском яз.). 147 с.
6. *Григорян А.* У истоков искусства музыки. Ереван: Гитутюн, 2010. 224 с.
7. *Комитас.* Врачевание музыкой // Архимандрит Комитас. Исследования и статьи в 2 книгах. Кн. 2 / Подг. к изданию Г. Гаспарян и М. Мушегян. Ереван: Саргис Хаченц, 2007. 576 с. (на арм. яз.).
8. *Кочарян А.* Музыкальные инструменты в Армении. Духовые и ударные музыкальные инструменты в Армении. Ереван: Амроц груп, 2008 (на арм. яз.). 248 с.
9. *Кушнарев Х. С.* Вопросы истории и теории армянской монодической музыки. Л.: Музгиз, 1958. 626 с.
10. *Курдян А.* Два фрагмента о музыке из древнеармянской литературы // Анаит. 1935. № 1–2. С. 30–35 (на арм. яз.).
11. Музыкальная эстетика западно-европейского средневековья и Возрождения / Предисловие, составление текстов и редакция В. В. Шестакова. Л.: Музыка, 1966. 576 с.
12. *Мурадян К.* Григорий Нисский в армянской литературе. Ереван: Изд-во АН Армении, 1993. 255 с. (на арм. яз.).
13. *О. Месроп Григорян,* Уточнения и добавления к биографии и сочинениям Степаноса Философа Сюнеци // *Handes Amsorya. Zeitschrift für armenische Philologie.* Achtzigster Jahrgang. Wien: Mechitaristen – Buchdruckerei, 1966. С. 448–450 (на арм. яз.).
14. *Святой Григорий Нисский.* Об устройении человека / Перевод, комментарии и послесловие В. М. Лурье. СПб.: Аxioma, 2000. 220 с.
15. *Тагмизян Н. К.* Теория музыки в древней Армении. Ереван: Издательство АН Арм. ССР, 1977. 320 с.
16. *Arevchatian A. S.* Deux textes arméniens sur l'Interprétation des modes musicaux attribués à Basile de Césarée // *Revue des études Arméniennes.* T. 28. Paris, 1996–1997. P. 335–339.
17. *Migne J.-P.* Patrologiae cursus completus, series Graeca. T. 44. Paris: Ex Typis J.-P. Migne, 1858. 1410 p.